

DOI: [10.14515/monitoring.2022.6.2317](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.6.2317)

Д. А. Омельченко, Е. Л. Омельченко

В ПОИСКАХ ДОМА. РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЫХ КАЛИНИНГРАДЦЕВ: ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ И МИГРАЦИОННЫЕ НАМЕРЕНИЯ

Правильная ссылка на статью:

Омельченко Д. А., Омельченко Е. Л. В поисках дома. Региональная идентичность молодых калининградцев: жизненные стратегии и миграционные намерения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 6. С. 309—332. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.6.2317>.

For citation:

Omelchenko D. A., Omelchenko E. L. (2022) In Search of Home. The Regional Identity of Young Kaliningraders: Life Strategies and Migration Intentions. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 309–332. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.6.2317>. (In Russ.)

Получено: 29.09.2022. Принято к публикации: 17.11.2022.

В ПОИСКАХ ДОМА. РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЫХ КАЛИНИНГРАДЦЕВ: ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ И МИГРАЦИОННЫЕ НАМЕРЕНИЯ

*ОМЕЛЬЧЕНКО Дмитрий Анатольевич — исследователь Центра молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: domelchenko@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5407-2304>*

*ОМЕЛЬЧЕНКО Елена Леонидовна — доктор социологических наук, профессор департамента социологии школы социальных наук и востоковедения, директор Центра молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: omelchenkoe@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5951-3682>*

Аннотация. Статья посвящена восприятию города студентами и выпускниками калининградских университетов, месту региональной идентичности в их жизненных стратегиях и миграционных намерениях в контексте дискуссий вокруг миграции интеллектуалов, значимости для молодежи принадлежности к месту, дружеским сетям локальных сообществ. Особую актуальность выбранная тема приобретает в последнее время геополитических изменений и турбулентности, находясь в центре остро дискутируемых вопросов в академической среде и политическом поле. Критически осмысливается адекватность использования теоретической рамки «утечки мозгов» из периферийных или опасных территорий в центральные регионы

IN SEARCH OF HOME. THE REGIONAL IDENTITY OF YOUNG KALININGRADERS: LIFE STRATEGIES AND MIGRATION INTENTIONS

*Dmitry A. OMELCHENKO¹ — Researcher at the Centre for Youth Studies
E-MAIL: domelchenko@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5407-2304>*

*Elena L. OMELCHENKO¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor at Department of Sociology, St. Petersburg School of Social Sciences and Area Studies; Director of the Centre for Youth Studies
E-MAIL: omelchenkoe@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5951-3682>*

¹ HSE University in St. Petersburg, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article deals with the perception of the city by students and graduates of Kaliningrad universities, the place of regional identity in their life strategies and migration plans in the context of discussions around the migration of intellectuals, the significance for young people of belonging to a place, friendly networks of local communities. The chosen theme has taken on particular relevance in the recent period of geopolitical change and turbulence, being at the centre of heated debates in academia and the political arena. The applicability of the theoretical framework of “brain drain” from peripheral or dangerous territories to central regions and other countries to the chosen subject is critically analyzed. We analyze the factors of young Kalin-

и другие страны. Анализируются факторы принятия молодыми калининградцами решения «уехать или остаться» в связи с их интерпретациями принадлежности к городу и патриотическими настроениями, того, как уникальная история и территория Калининграда влияют на их жизненные планы. Используемый подход позволяет показать связь миграционных намерений (или их отсутствие) с жизненными стратегиями и планами молодежи, подчеркнуть контекстуальность и подвижность решений в рамках меняющейся конфигурации политической и культурной жизни в локальном и глобальном измерениях. В статье используются результаты качественной части исследования, проведенного в Калининграде коллективом Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург). Эмпирической базой статьи стали глубинные интервью со студентами и выпускниками калининградских университетов.

Ключевые слова: региональная идентичность, молодежь, миграционные планы, патриотизм, чувство дома/места

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ Санкт-Петербург «Выбор жизненных стратегий талантливой молодежью и ее роль в повышении конкурентоспособности российских регионов как ответ на глобальные вызовы “утечки мозгов”» (грант № 21-18-00122).

Выражаем благодарность коллегам, проводившим полевой этап исследования в Калининграде, всем участникам проекта за включенность и

ingraders' decision “to leave or stay” in connection with their interpretations of belonging to the city, patriotic sentiments, and how Kaliningrad's unique history and territory influence their life plans. The approach allows us to show the connection between migration intentions (or their absence) and young people's life strategies and plans, emphasizing the contextuality and mobility of decisions.

The article uses the results of the qualitative part of the research conducted in the city of Kaliningrad by the team of the Youth Research Centre of the National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg). The empirical basis of the article was in-depth interviews with current and former students of Kaliningrad universities.

Keywords: regional identity, youth, migration plans, patriotism, sense of home/place

Acknowledgments. The Russian Science Foundation financially supported the research within the framework of the project “The choice of life strategies by talented young people and their role in increasing the competitiveness of Russian regions as a response to global challenges of the ‘brain drain’” (grant No. 21-18-00122) of the Youth Research Center of the Higher School of Economics in St. Petersburg.

We want to thank our colleagues who conducted the field phase of the research in Kaliningrad, all project participants for

поддержку, а также, конечно, нашим молодым информантам, принявшим участие в исследовании.

their involvement and support, and, of course, our young informants who took part in the research.

Введение

Замысел статьи появился вслед первой полевой экспедиции проекта, посвященного изучению жизненных стратегий и миграционных планов студентов и выпускников университетов Северо-Запада РФ. В ходе опроса и глубинных интервью с молодежью, проведения включенного наблюдения в рамках выбранных кейсов мы пытались понять, насколько применима идея «утечки мозгов» к локальному контексту, что значит для юношей и девушек называть себя калининградцами. Может ли чувство дома, Калининграда как «своего места» стать весомым аргументом (стоп-фактором) в решении остаться?

Рассказанные информантами истории и сам Калининград, его географическое положение, исторические особенности связи с Россией, актуальная культурная повестка, включая прусское наследие и добычу янтаря, пересекались и дополняли друг друга. Включенность и даже влюбленность в город, в дружеские сети, в низовые гражданские инициативы отличали истории молодых калининградцев. Выбранный фокус анализа лишь отчасти вписывается в контексты широкого корпуса академической и популярной литературы, посвященной миграционным исследованиям и обсуждению вопросов «утечки мозгов». Наш фокус — место города или города как «своего» места/дома в жизненных стратегиях молодых калининградцев, частью которых могут быть миграционные планы в их разных форматах: уехать, остаться, уехать и вернуться, остаться на время и уехать и др. Мы обращаемся к причинам и индивидуальным мотивам миграционных намерений с акцентом на том, почему в схожих жизненных обстоятельствах одни уезжают, а другие остаются. Исследование показало, что миграционные планы молодежи даже одного города демонстрируют удивительное разнообразие. Так, история тувинца отличалась от путешествия в Калининград калмыка, образовательно-миграционный трек таджика был не похож на трек литовки¹. Во всех случаях причины отъезда из родительского места (село / город / республика / страна) будут различаться, а факторы, повлиявшие на решение остаться, могут оказаться схожими.

Молодежь и миграция в рамках академических дискуссий

Социальные трансформации, связанные с глобализацией культур и знаний, рынков труда, поддерживаемых технологическими инновациями и формированием общего коммуникативного поля, усиленные геополитическими вызовами современности, не только провоцируют, но и усиливают миграционные устремления молодежи как между, так и внутри стран. Рост мобильности и миграции [France, 2007] переопределяет организацию повседневной жизни юношей и девушек, горизонты жизненного планирования и выбора жизненных стратегий.

¹ Мы ссылаемся на реальные истории информантов, принявших участие в исследовании.

Исследователи отмечают, что в крайне индивидуализированном современном обществе мы имеем дело с «рефлексивной мобильностью», которую следует понимать через анализ «внутреннего диалога», внутренних логик принятия жизненно важных решений.

В рамках нашего проекта мы рассматриваем миграционные планы молодежи не изолированно, а в контексте жизненных стратегий, которые, вместе с другими факторами, прямо влияют на характер их взросления [Frändberg, 2015]. Обращаясь к определению жизненных стратегий, исследователи фокусируют внимание не только на индивидуальных выборах, но и на экономических и социокультурных контекстах, территориальных локациях [Зубок, Чупров, 2020], культурном капитале и ресурсности самих индивидов, институциональных ограничениях возможности их самореализации [Mrozowski, 2011].

В российской академической дискуссии, связанной с миграционными планами молодежи, внимание концентрируется на анализе и типологии образовательных [Осипова, Энвери, 2016; Терентьев, 2016] и профессиональных стратегий [Харченко, 2008], мотивации и индивидуальных выборах [Попова, 2015], отмечается роль близкого окружения — родителей, друзей, знакомых в формировании ориентиров, а уровень доверия к образовательным институтам может прямо зависеть от «близости» (часто — территориальной) и субъективного опыта студентов и выпускников данного учреждения [Котова, 2007]. При изучении внутренней миграции исследователи говорят о том, что мобильность из небольших российских провинциальных городов становится «очевидной стратегией выживания», поскольку молодежь обладает ограниченным доступом к профессиональному образованию и рынку труда на локальном уровне [Pickup, White, 2003; Флоринская, Рощина, 2008]. Отчасти это подтверждается и нашим исследованием. Для высокообразованной молодежи и молодых взрослых, принадлежащих к среднему классу, более характерны новые формы мобильности, которые предполагают временную миграцию с полным или периодическим возвращением в страну получения образования [Frändberg, 2015].

Невозможно использовать какую-то одну исследовательскую перспективу в применении к анализу современных миграционных потоков, например, легальная — нелегальная, осознанное решение уехать из места рождения или осознанное решение переехать на землю своих предков, временный переезд по вынужденным обстоятельствам или вынужденный отказ от переезда. Так, авторы книги «Age of Migration», ссылаясь на причины мировых миграций, подчеркивают, что исключительное внимание к бедности и насилию, экономическому неравенству уже неактуальны [Castles, de Haas, Miller, 2014: 6—7]. Большинство современных переселенцев — это высококвалифицированные специалисты и предприниматели, использующие ресурсы глобализованной экономики².

Тематическое поле образовательной и трудовой миграции в широком смысле фреймируется дискуссиями вокруг факторов «выталкивания — втягивания» (push-pull), а также «утечки мозгов» интеллектуалов. Эти теории обращены в первую очередь к межстрановой миграции, однако некоторые идеи могут быть применены

² Это подтверждается и сегодняшней ситуацией оттока специалистов IT и медиасферы в сопредельные и европейские страны в ответ на продолжающийся военный конфликт в Украине.

и к анализу нашего случая. Эверетт Ли [Lee, 1966] переформулировала гравитационную теорию Э. Г. Равенштайна [Ravenstein, 1889]³ в теорию положительных и отрицательных факторов в побуждении мигрировать или остаться, которые в современной традиции называются push-pull факторами. Среди традиционных причин, притягивающих мигрантов, называются экономическое процветание, эффективность правовой системы, более мягкая политическая система в отношении мигрантов, возможность получения хорошего образования и высококачественной медицинской помощи. Принято считать, что для молодежи характерен высокий уровень мобильности и выраженные миграционные планы, особенно в ситуации экономических рецессий [Kahanec, Fabo, 2013]. Модели «выталкивающих-втягивающих» (push-pull) факторов достаточно подробно рассматриваются зарубежными авторами в отношении выбора студентами страны обучения [Lee, 2017; Eder, Smith, Pitts, 2010], однако этот подход практически не используется для анализа особенностей формирования локальных идентичностей и привязанности молодежи к своему «дому». Рональд Скелдон [Skeldon, 1990] считает, что слишком общие категории push-pull факторов, будучи приемлемы для начала рассуждений о миграции, явно недостаточны для понимания глубинных причин и их интерпретаций. Вместе с ростом глобальных рынков, гуманизацией и доступностью культуры появляются как новые причины, так и возможности для миграции, которые не вписываются в эту модель, как, например, пенсионная, культурная, обратная этническая (возвращение на землю предков), сексуальная (переезд в страны с более высоким или низким уровнем сексуальных свобод) миграции. Говоря о стоп-факторах как силах, ни притягивающих в гостевую страну, ни отталкивающих в домашней, а являющихся основанием для принятия решения остаться, следует различать как внешние, так и внутренние причины. Внешние стоп-факторы связаны с политической ситуацией и местным законодательством: правовые ограничения, политические гонения, национальная политика в отношении этничности и вероисповедания и другие. Внутренние стоп-факторы, обусловленные региональной спецификой, редко попадают в сферу внимания исследователей. Человек скорее останется там, где сможет почувствовать себя дома, в том месте, где ему или ей хорошо и комфортно. Предлагаемый в статье анализ историй информантов, связанных с локальной идентичностью и принадлежностью к городу, помогает не только подробнее рассмотреть внутренние стоп-факторы, но и внести вклад в дискуссию вокруг обсуждения современных измерений миграционных планов молодежи.

Термин «утечка мозгов» впервые упоминается в 1958 г. в отношении (э)миграции интеллектуалов⁴. Позже термин стал использоваться по большей части в политической риторике лидеров новых независимых государств, видевших в «утечке мозгов» проявление неокOLONиализма со стороны стран, рекрутирующих интеллектуалов. Отток молодежи начал рассматриваться в качестве одной

³ Ученый не обошел вниманием и Россию в труде, посвященном переселению русских на территорию Амура (Ravenstein G. (1861) *The Russians on the Amur*. London: Trubner).

⁴ Хрестоматийный пример связан с нацистской Германией. В течение короткого периода лучшие ее «мозги» (интеллектуалы) эмигрировали в США и Европу. Проблема, по мнению исследователей, не в том, что ученые уезжают работать за границу, поскольку это приносит пользу науке в целом, а в том, что они редко возвращаются, забирая с собой не только знания, но и репутацию, а это лишает местные университеты привлекательности для студентов и молодых ученых [Vizi, 1993: 102].

из причин экономической отсталости, что провоцировало отношения к «уехавшим» за лучшей жизнью как к непатриотам, эту молодежь обвиняли в нелояльности и незаинтересованности в экономическом и социальном развитии своей страны [Rizvi, 2005: 181]. Все это стимулировало развитие государственных программ, нацеленных на удержание талантливой молодежи и усиление патриотической риторики, воспитательных интервенций.

В современных академических дискуссиях идея «утечки мозгов» оценивается достаточно критично, как игнорирующая вопросы сложной культурной динамики перемещения и переосмысления мигрантами, в том числе внутристрановыми, своей идентичности. Критика обращена к представлению о сущностной связи идентичности каждого человека только с одной нацией, географическим местом ее исторической и политической локализации, к которым, как ожидается, люди будут проявлять «пожизненную» верность. Современные мобильности отличаются турбулентностью [Papastergiadis, 2000], подходы, характерные для прошлого века, неприменимы к реалиям современной жизни [Rizvi, 2005: 187]. Для описания неустойчивости связи гражданства с территориальностью ученые, исследующие процессы глобализации культуры, вводят понятие «детерриторизация культуры» [Tomlinson, 1999], показывая, что места нашей повседневной жизни становятся частью широких глобальных отношений. Глобальная мобильность, популярные СМИ, информационные потоки — ключевые проводники, детерриторирующие силы изменений, влияющие на материальные условия повседневной жизни людей и их взгляды. Все это вносит коррективы в лояльность к стране происхождения, систему социальных и культурных ориентиров. Важно не столько, где физически находится человек, а какой вклад он способен внести в развитие страны или города, к которым чувствует свою принадлежность. Ученые говорят о неравенстве, присущем транснациональным потокам капитала, людей, информации и навыков. Эти потоки перестраивают «пространства идентичностей» [Morley, Robins, 1995], требуя новых способов осмысления отношений между глобально мобильными студентами, интеллектуалами, работниками и их социальными обязательствами перед национальным государством. Космополитические ресурсы начинают использоваться молодежью для создания новых социальных сетей, что не мешает им сохранять чувства национальной принадлежности и считать себя патриотами не только своей страны, но и города, что демонстрирует и наше исследование.

Рассмотренная дискуссия интересна тем, что помогает вписать миграционные планы вместе с карьерными устремлениями студентов/выпускников российских университетов в широкий контекст глобализации (новой экономики знаний, глобального рынка труда), а также соотнести их с особенностями локальных идентичностей юношей и девушек и их связей с местными сообществами.

Принадлежность к городу и месту.

Понятие дома в рамках академических дискуссий

В поисках внутренних «стоп-факторов», связанных с интерпретациями региональной идентичности (формируемой или сформированной) молодежью Калининграда, стоит рассмотреть исследования города как дома/места и той роли, которую они играют в реализации жизненных стратегий молодежи.

Для нахождения теоретических ориентиров обратимся к краткому описанию дискуссии вокруг вопросов, связанных с пониманием места, дома, локальной идентичности как значимых факторов чувства принадлежности к городу. Вслед за Робертом Парком можно сказать, что город как ключевая лаборатория изучения человека и человеческого занимает центральное место в исследованиях жизненных стратегий, патриотических настроений, молодежных культур [Park, 1915: 612]. Современный город — это место пересечения глобальных и локальных отношений и принадлежностей. По мнению М. Кастельса, важно различать «пространства потока» и «пространства места» [Castells, 2002: 398]. Город Калининград становится местом встречи/пересечения этих пространств, именно в таком ключе информанты и обсуждали свои жизненные стратегии и миграционные планы. Привязанность к городу дополняется доступной мобильностью (приграничность региона), что непосредственно влияет на решение молодых калининградцев остаться в городе после окончания университета.

Подчеркивая значение места, дома как значимых элементов социальных отношений, а укорененность — как важного момента идентичности [Easthope, 2004], ученые акцентируют противоречия в толковании этих терминов. Развернутое описание различных подходов и интерпретаций «дома» дается в работе Шелли Маллет [Mallett 2004]. В большей части литературы, по ее мнению, присутствуют отсылки к символической силе идеального, или идеализированного дома, люди большую часть жизни ищут «свой дом» [Tucker, 1994]. Это может быть сентиментальным и ностальгическим путешествием по утраченному времени, религиозным паломничеством, «поиском земли обетованной», пристанища или убежища. При всем разнообразии ключевые интерпретации дома строятся вокруг различий между общественным и частным, внутренним и внешним миром, внутренний дом — комфортное, безопасное и замкнутое, а внешний мир — угрожающее или опасное пространство работы и политики с их контролем и наблюдением. Часть исследователей критически оценивают интерпретации дома как убежища, как идеализированного и романтизированного представления, которое не соответствует реальному жизненному опыту людей [Jones, 2000], и подчеркивают гендерные различия в восприятии дома как безопасного пространства [Goldsack, 1999]. Кроме чувства «обретения дома», ученые говорят и о «возвращении домой» — как проявлении сакрального чувства принадлежности [Game, 2001], чувства сообщества и природы, что придает осмысленность жизни не как абстракции, а как проживаемой именно «дома». Эти чувства могут быть утеряны или созданы заново через социальные связи с местными сообществами, через включение в историю и архитектуру места [Beatley, 2004].

Внимание к связи дома/места и миграции характерно в основном для исследований уязвимых групп (бездомных, мигрантов и беженцев), того, как их опыт пребывания, отъезда и путешествий связан с представлениями о доме, зависимости и автономии, непрерывности и разрыве перемещения. Дом может быть не связан с пространством, а быть неким эмоциональным переживанием, социальным конструктом. Дом — это не столько «место, откуда вы родом», сколько «место, куда вы направляетесь», именно путешествия помогают обозначать границы и пороги дома [Ginsberg, 1999: 35]. В западных традициях, а в последнее время все чаще и в российском контексте, ожидается, что молодые люди достигают определен-

ного момента в жизни, когда следует покинуть родительский дом, чтобы создать (найти, построить) свое собственное место, не порывая по возможности связей с родной семьей и сообществом. Представления о приемлемом возрасте и способе «покидания» дома (вступление в брак, создание независимого домашнего хозяйства, для путешествий, работы или поступления в университет) обусловлены культурными и историческими факторами [Jones, 1995].

На понимание дома и местной идентичности влияют условия, при которых люди покидают свою родину (город, село), траектории путешествия за пределы дома, места их назначения. Хотя отношения между домом и отъездом выглядят противоречивыми, но именно отъезд и цель путешествия делают дом видимым.

Проведенный анализ демонстрирует многозначность понятия «дом» и самой идеи дома. Дом оказывается хранилищем сложных и противоречивых социокультурных представлений о связи людей друг с другом, о повседневном проживании дома и вне дома вместе с пространствами и вещами, его наполняющими. Границы дома могут обозначаться по-разному в зависимости от детских впечатлений, пережитых событий, счастливых или трагических ситуаций жизни. Дом, как нам часто говорили наши информанты, — это там, где комфортно, где ты чувствуешь себя в безопасности, откуда ты легко можешь уехать и куда хочешь вернуться. Дом мог пониматься ими и как свое место в мире в перспективе интерпретаций гражданства и прав человека, патриотических чувств принадлежности не только к локальной родине с ее природой, историей и социальными связями, но и к глобальным потокам информации, культуры, расширяющим представления молодежи о возможностях самореализации и о будущем.

Знакомство с существующим корпусом отечественной литературы, посвященной исследованиям идентичности калининградцев, дает представление о ключевых фокусах интереса авторов: влияние пограничности и лиминальности региона на культурное многообразие городской жизни и атмосферы; восприятие жителями своей принадлежности к городу; специфика миграционных настроений жителей, обращенных скорее к другим странам, чем другим регионам России; отношение горожан к политике «дегерманизации» как навязываемой сверху и противоречащей «европейскости» калининградцев [Алимпиева 2009; 2014]. Исследователи обращаются к анализу «особости» российской идентичности калининградцев, которую важно учитывать при проведении региональной политики в вопросах культурного наследия и исторической памяти. Излишняя и неуместная политизация, по мнению авторов, недостаток внимания к вопросам разнообразия и неоднородности жизненных укладов и представлений калининградцев о своей принадлежности мешают процессам гармонизации различных групп населения. Отдельное внимание уделяется социально-культурной ситуации эксклавности региона, что значимо влияет на мировоззрение жителей [Вендина, Зиновьев, 2022; Калашников, Будилов, 2019]. Стоит отметить, что наша работа, подтверждая некоторые выводы авторов, обращена именно к молодому поколению калининградцев и демонстрирует особые, значимые для них черты принадлежности к городу и стране. Проведенный анализ восполняет пробел в части анализа патриотических настроений молодых калининградцев в ситуации резкого изменения геополитической обстановки в России и мире.

Молодые калининградцы — о своем городе

Чтобы полнее представить палитру интерпретаций и смыслов, связывающих молодежь с Калининградом, и очертить особенности их жизненных стратегий и планов, в пул нарративов для анализа мы отобрали истории студентов и выпускников местных университетов, в которых достаточно полно отражаются тренды и нарративы, так или иначе звучащие в остальных интервью, собранных в ходе экспедиции. Одним из критериев отбора в соответствии с задачами проекта была ориентация на талантливую, образованную молодежь, активно включенную в городскую жизнь, отчетливо демонстрирующую в ходе интервью свою локальную идентичность. В статье будут использованы нарративы 20 молодых калининградцев в возрасте от 18 до 36 лет, 10 мужчин и 10 женщин, как обучающиеся, так и окончившие калининградские университеты. Опрос и интервью проводились преимущественно со студентами и выпускниками Балтийского федерального университета и Калининградского государственного технического университета. Продолжительность интервью — от 50 минут до 3 часов. Все имена информантов закодированы⁵. Реальные имена информантов были заменены на вымышленные, все прямые ссылки на узнаваемых людей или сюжеты были также скрыты. Анализ нарративов проведен методом открытого кодирования. Мы стремились найти знаковые для молодежи «стоп-факторы», которые влияют (или могут повлиять) на их решение остаться в регионе, учитывая при этом и те моменты, которые могут помешать этому решению.

«Все уезжают» — «никуда из Калининграда не уеду»

В ходе анализа мы столкнулись с целым набором аргументов, отсылок, интерпретаций, комбинация которых в каждом случае выстраивалась в описание индивидуальной жизненной стратегии, где вероятная миграция была лишь одним из возможных измерений.

Мы умышленно не вели разговор исключительно о желании уехать или его отсутствии. Мы обсуждали с юношами и девушками их жизненные стратегии, в контексте которых могли появляться сюжеты, косвенные маркеры или сигналы, связанные с вероятной миграцией или отказом от нее.

Миграционные планы молодежи оказались неопределенными, мало кто прямо говорил о намерении непременно уехать. Респонденты рассуждали о причинах, которые могут повлиять на их выбор, о влиянии мнений и решений друзей, о реакциях родственников: «у нас много умных ребят, и все уезжают» (Сергей, 22, маг.)⁶. Кто-то говорил, что точно ориентирован остаться, правда, не все были готовы определить, как надолго: «Пока это однозначно — нет. Ответ — я никуда из Калининграда в ближайшие года три не перееду» (Маша, 24, асп.). Речь заходила о стремлении «ездить куда-то», быть подвижными, иметь возможность свободно перемещаться, например, для получения образования, и возвращаться, когда захочется.

⁵ Интервью и включенное наблюдение, а также опрос студентов университетов Калининграда проводили исследователи Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург: Евгения Кузинер, Дмитрий Омельченко, Святослав Поляков.

⁶ Здесь и дальше для маркировки информантов используются имя (закодированное), возраст, статус (студент / магистрант / аспирант(к)а, работает — ст., маг., асп., раб.

В плане обучения я бы, наверное, поехала, очень престижно иметь диплом стран европейских, особенно Британии, но в плане того, что бы меня остановило: это семья, друзья, та компания, которая меня поддерживает... здесь я уже знаю, кем я могу дальше пойти, знаю свои перспективы... (Рита, 21, ст.)

Среди вероятных «пунктов назначения» чаще всего фигурировали приграничные с Калининградом страны:

Какая-нибудь европейская страна, Польша вот. Близко, язык почти похожий, вот, и именно условие городской среды там лучше. (Сергей, 22, маг.)

В качестве основной причины, которая может повлиять на решение уехать, называлось резкое изменение политической ситуации в России. Так, Ирина сообщает, что переезд рассматривает «только в качестве какого-то суперэкстремального варианта»⁷. Размышляя о событиях в Беларуси в 2020 г., девушка говорит, что:

Если здесь начнется что-то подобное... если вот прям начнется какой-то адский замес здесь, в плане какого-то гражданского, что называется, состояния наших прав и свобод, я думаю, что я смогу очень быстро мобилизоваться, реанимировать свои знания немецкого и максимально быстро каким-то образом скипнуть, по-пластунски границу переползу, пробегу через Польшу и буду в Германии... (Ирина, 26, раб.)

Патриотизм — это не про политику, это про людей. (Слава, 21, ст.)

Обсуждения региональной идентичности и принадлежности к месту (дом, город, страна) в академических дискуссиях, в политической риторике или медиадискурсе часто переходят к интерпретациям патриотизма. Несмотря на споры вокруг концепта детерриторизации культуры и патриотизма, рассмотренного ранее, расшифровка патриотических настроений и чувств в увязке с малой или большой родиной — один из самых частых сюжетов. Данные нашего исследования — опроса и интервью, показывают: быть патриотом для молодых калининградцев не значит брать на себя обязательства оставаться в России и демонстрировать свою лояльность и пожизненную преданность стране и особенно государству.

Важно при этом, что любовь к стране, городу или локальному месту, ассоциируемым с «домом» — историей, культурой, природой, мало соотносится с политикой и властной риторикой: «Я просто обожаю нашу страну, и люблю ее за людей, за, наверное, дух российский, но не за политику точно, я даже не думаю об этом» (Вера, 21, маг.).

Слава, поясняя свое понимание патриотизма и любви к стране, подчеркивает, что «ну, то есть к стране, абстрагированной от, да, ее политического курса, да... это любовь к русским людям, к России как к стране, к ее культуре и истории, то есть в этом отношении да, я могу назвать себя патриотом» (Слава, 21, ст.)

⁷ Исследование в Калининграде проходило в октябре 2021 г.

Объяснения патриотических чувств плотно переплетены, с одной стороны, с любовью к культуре, городу, с другой — со стремлением вывести свое представление из-под политического давления, навязываемого сверху понимания самого слова «патриотизм», которое, по мнению информанта, «запятнали в последнее время».

Я люблю Калининградскую область очень и люблю русскую культуру... А вот патриотизм... я, естественно, уважаю память о войне, у меня много кто воевал... Но вот так, как это сейчас... Нет... (Дмитрий, 34, раб.)

Продвижение идеи ВОВ как национальной идеи стало, по мнению Дмитрия, доминантой в разговорах о патриотизме:

Даже когда я учился в школе, это все было намного мягче. То есть хочешь — иди, не хочешь — не иди... Сейчас очень большой упор делается, чтобы объединить население некой идеей... но это прошлое все. Поэтому в этом плане я не патриот, нет. (Дмитрий, 34, раб.)

Вместе со стремлением вывести свое понимание патриотизма из-под политических контекстов и коннотаций, связанных с официальной риторикой, практикой форм и способов патриотического воспитания, молодые калининградцы подчеркивали, что любовь к своей стране и городу не значит отрицания или неприятия других стран или культур. Напротив, эти чувства вписываются в весь ансамбль восприятия себя человеком мира, который может свободно ездить — учиться, работать, но жить в своем доме, быть на своем месте.

Близость границы, возможности легкой и необременительной мобильности рассматривались молодыми калининградцами как очевидное преимущество географического расположения региона.

Я могу сесть просто на электричку, проехать 30 минут, и я уже, да, нахожусь на морском побережье... три часа на автобусе — я могу уже в Польше оказаться... такая вот мобильность здесь мне очень нравится, и она для меня очень важна. (Слава, 21, ст.)

Маша отказывается называть себя патриоткой, объясняя это тем, что ей хочется «быть космополитичным человеком и везде чувствовать, что новое место — такой же мой дом, как и другое место» (Маша, 24, асп.)

Мы видим, что для молодых калининградцев важна возможность ездить в другие страны, приобретать новый опыт, быть свободным, мобильным человеком, что не обязательно подталкивает к их реальному переезду. Вместе с тем для них не менее важно называть себя людьми, выросшими в России.

Россия — это вот о людях больше и о нашей душе бескрайней, которую, ну, никто не поймет, и я не смогу без этого жить в другом месте.

Объясняя свое понимание патриотизма, Алена говорит, что:

Это не про политику... это про людей, про нашу причастность и про бескрайность... сколько у нас национальностей... я сама, у меня папа татарин, мама — русская, бабушка из Болгарии вообще приехала... намешанные все истории. (Алена, 21, ст.)

Большая часть интерпретаций патриотизма нашими информантами связана с Калининградом, вернее, даже Калининградской областью — они воспринимаются неразрывно вместе, как некое общее пространство для идентификации и привязанности, «откуда легко уехать и куда хочется возвращаться».

Евгения считает, что самое важное для нее — это чувство сопричастности с территорией, «которую ты по неведомым причинам любишь... я патриотка Калининграда... локальная моя Родина, да, локальный патриотизм все-таки» (Евгения, 30, раб.) Это не мешает ей чувствовать свою причастность и к стране, и к миру, в целом:

Мультикультурная такая среда у нас. Размываются вот эти границы, да... Я рада, что я живу в России, мне нравится... есть такое ощущение бодрости культурологического вызова [смеется]. (Евгения, 30, раб.)

Своя страна, свой дом могут пониматься широко, когда путешествия усиливают ощущения принадлежности, разные места зарубежья и России открываются и присваиваются через телесные взаимодействия, чувственные контакты с природой, городами, людьми. Делясь впечатлениями от поездок по России, Рая говорит:

Невозможно любить Родину, когда ты видишь ее на картинках, когда ты не можешь ее потрогать, не можешь ее понюхать, что-то неосозаемое любить невозможно... как только ты начинаешь ездить, смотреть, чувствовать атмосферу, вот тогда ты реально понимаешь, что такое патриотизм. (Рая, 36, раб.)

Для Екатерины, которая учится в Норвегии в рамках программы по студенческой мобильности, патриотизм — это острое желание вернуться в свое место — домой, к своей семье.

Хочу вернуться. Я все-таки себя больше вижу в своей стране, нежели, по крайней мере, в Норвегии... Я не знаю, какой фактор на это влияет, наверное, может быть, какой-то мой патриотизм внутренний или что-то вроде этого. (Екатерина, 20, ст.)

Одно из самых ярких впечатлений от погружения в нарративы информантов о городе, патриотизме и региональной принадлежности — это удивительное многоголосие. Большая часть юношей и девушек не только много путешествовали (особенно в Польшу, Литву, Германию), но и знают несколько языков. Их истории, с одной стороны, выпадают из сферы политического, с другой стороны, плотно вплетены в размышления о разных языках, культурах, путешествиях и пространствах.

Рая, ссылаясь на то, что могла переехать в Швейцарию (выйти замуж), говорит, что отказалась от этой идеи, потому что «я свободно разговариваю на английском, я свободно разговариваю на шведском, но мне очень важно внутри семьи и дома

разговаривать на русском языке». По ее мнению, много такого в родном языке — общих смыслов, отсылок к любимым фильмам, шуткам, что создает общее понимание и атмосферу разделенности, помогает формировать свое безопасное пространство, человек другой культуры «этого не поймет, ну, то есть это что-то, связанное прямо с домом, с какой-то частью тебя» (Рая, 36, раб.)

Практически у всех участников интервью был опыт путешествий, учебы или работы за границей. Близость другого опыта задает определенную планку представлений о том, каким должен быть европейский город (дороги, парки, инфраструктура, экология). Так, по мнению Дмитрия:

Расположение Калининградской области дает некий оттенок на понимание жителей, как, например, должны развиваться современные города. В пользу именно человека, экологии, инфраструктуры доступной для разных категорий граждан, для велоинфраструктуры... Общество должно быть демократическим, то есть человек должен быть центром, учитываться его свобода и так далее... у наших жителей такое понимание есть. (Дмитрий, 22, раб.)

Прусское наследие, европейскость, эксклав

Молодые калининградцы готовы живо обсуждать историю Калининграда, связанную с прусским наследием, депортацией немцев («выселили все оригинальное, автохтонное население... их перевезли в ГДР») и переселенцами из разных уголков СССР в сороковых годах прошлого века. Благодаря этим процессам, по мнению Ирины, в области сформировался

Свой собственный не этнос, а скорее субъектность государственно-социальная такая... это такой плавильный котел, сам регион прошел очень такую мощную закалку казахстанскими переселенцами... казахстанские немцы и просто казахи переезжали вот сюда, кто-то из них переехал потом отсюда в Германию, вот, а кто-то остался... это все обтесалось, и все сейчас замечательно живут. (Ирина, 26, раб.)

В целом для калининградской молодежи нехарактерны ксенофобные настроения, юноши и девушки чувствуют себя в первую очередь европейцами, о чем они не просто часто говорят, но и стремятся продемонстрировать, достаточно критично при этом оценивая внешнюю политику России, которая, по их мнению, ведет к изоляции страны и молодежи.

Ирина, вспоминая время, когда она только приехала, говорит, что в городе было много поляков, литовцев, много немцев, «ощущение, что ты сам варишься в каком-то таком интернациональном котле... весело, круто, хочется учиться, хочется развиваться». После 2014 г. все изменилось, граница на замке, «польские яблоки давим тракторами на полигоне...» Девушка добавляет, что стало грустно, «депрессивно», что очень не хватает привычного и свободного взаимодействия с соседями. Информанты говорили нам, что особые режимы пограничного сотрудничества (карточки МПП, не нужно оформлять шенгенскую визу в Польшу и Литву) — все это формировало ощущение «настоящей европейскости», легкости путешествий и мобильности.

После четырнадцатого года, конечно, все отменили. Теперь только шенген. (Ирина, 26, раб.)

Особым ресурсом европейскости для калининградцев было географическое положение Калининградской области как эксклава по отношению к России [Клемешев, 2006]. Территориальная изолированность создает особую атмосферу уникальности места, что ощущается молодежью, как часть культурного кода калининградцев.

Мы живем обособленно совершенно, вместо того чтобы ездить в Россию, мы ездили в Европу всегда, мы ездили на машине, понимаешь, и мы переняли манеру вождения у европейцев, мы же не только в Польшу, там, ездили. (Рая, 36, раб.)

...Вот для вас, ну, наверное, поехать в Польшу — это прям путешествие, да?.. А для нас, ну, это как в магазин сходил, грубо говоря. Тут сколько часов шесть до Гданьска ехать. (Сергей, 22, маг.)

Развивая идею, что город скорее не российский, а европейский, молодежь называла Калининград не только «маленькой Европой», но и «русской Европой». Вместе с тем оторванность от России может провоцировать особые чувства беспокойства и изоляции, в определенном смысле — незащищенности, которые обостряются в моменты ухудшения геополитической ситуации. Но даже эти, казалось бы, сложные чувства не мешают испытывать глубокую привязанность к месту.

Зажатость... что мы не соприкасаемся с большой Россией никак, и, ну, это немножко страшно, потому что ты, вот, начнется какие-то, там, боевые действия, допустим, или еще что-то, тебе некуда бежать, ты находишься здесь, в зажатой такой вот истории, и рядом только Белоруссия, Литва и, ну, чужие страны... (Алена, 21, ст.)

«Все мы так или иначе приезжие»

Историческое прошлое Калининграда — очень важная часть идентичности и одна из ключевых примет места. Молодые информанты обеспокоены тем, что власть пытается, на их взгляд, вытеснить и забыть это прошлое. История города нужна не только в туристическом или образовательном смысле, но и для формирования идентичности с городом и местом, где практически ни у кого нет «своих» корней. Культура прошлого важна для региональной устойчивости и для обретения этих корней. Анализ нарративов показал, что историческое прошлое и отношение к нему — стержень актуальных общественных дискуссий с одной стороны, с другой — крайне значимый мотив участия молодежи в городских инициативах по восстановлению заброшенных мест и примет прусского времени.

Город с потрясающей историей, которую сейчас планомерно пытаются стирать. И вот это как раз к вопросу нахождения там, где там твоя родина... Калининград не является родиной людей, которые здесь сейчас живут, потому что все мы так или иначе приезжие — кто просто чьи-то бабушки, дедушки сюда приехали, кто-то сейчас приехал.

И тем логичнее было бы уважать ту культуру, которая здесь сформировалась до нас, и принимать ее и как-то интегрировать в то, что мы делаем... (Маша, 24, асп.)

О высоком накале дискуссий можно судить по развернувшемуся спору вокруг так называемой германизации Калининграда. По мнению Павла, в городе отчетливо заметны два лагеря в этом отношении:

Есть «жуткие почитатели» всего немецкого, «истинные кенигсбергцы», с одной стороны, и есть люди, которые с пренебрежением к этому относятся, как к чему-то инородному, — с другой. (Павел, 31, раб.)

Для части информантов это очень большая тема. Власти, по их мнению, проявляют недостаточно внимания к прошлому города. Среди молодых гражданских активистов очень популярны инициативы по сохранению и реконструкции оставшихся от прусского прошлого «руин и замков»:

Мои ровесники — хранители руин, которые ездят по области и просто вычищают руины от мусора, от зарослей и всего такого, это очень классно. (Ирина, 26, раб.)

Например, Светлана говорит о немоте вокруг немецкого прошлого, что оно было вымарано из устной и письменной истории Калининграда. Пусть и неофициально, но существует «негласный список стоп-слов у муниципальных учреждений, которые нельзя, ну, произносить типа». Немецкое наследие оформляется чаще в некую «красивую картинку с несохранившейся коллекцией или отреставрировали какую-нибудь одну красивую безобидную фреску» (Светлана, 34, раб.), но трагические или травматичные исторические моменты замалчиваются, вымарываются, что наносит вред в том числе и пониманию прошлого как части региональной идентичности.

Вместе с инициативами по сохранению прошлого и восстановлению руин респонденты упоминали и о борцах с германизацией. Она может принимать разнообразные формы, например, требований через суд сменить немецкие названия на вывесках или закрасить старые надписи на зданиях. По мнению одного информанта, существует страх, что город могут присоединить к приграничным странам:

У нас же в 90-х я слышал, что были разговоры о том, чтобы присоединить Калининград либо там к Польше, к Литве, к Германии, вот, теперь этого боятся все. (Степан, 26, раб.)

Разные прочтения прошлого откладывают отпечаток на понимание уникальности города и на «любовь к городу тоже». По мнению Евгении, все, кто живет в Калининградской области, так или иначе сталкиваются с вопросом наследия. И ключевым моментом столкновения и споров становится противоречие между немецким прошлым как историей, связанной с нападением, войной, фашизмом, и немецким (прусским) наследием как европейской культурой, особого городского духа...

И вот это вот «свои», «наши», а кто такие наши? То ли русские, то ли немцы, то ли про кого мы говорим?.. Все очень-очень сильно перемешано, намешано. это, конечно, отличает регион от всех других, да... мы тут как бы, ищем всегда... Ну, отвечаем на вопросы «почему это наша территория?». Мы все время присваиваем, всю жизнь как будто бы завоевываем вот это вот, да... право называться, там, не знаю, калининградцем... (Евгения, 30, раб.)

От ностальгического туризма — к отдыху на море

Россияне открыли для себя Калининград как новое и особое туристическое место после 2019 г. вместе с закрытием границ «привычного, массового отдыха на море» в связи с коронавирусными ограничениями. Рассказывали нам и о более ранних волнах туризма — «ностальгического», связанного с прусским прошлым города. Приезжавшие немецкие туристы искали свои старые дома, находили локации, вспоминали прошлое своих семей. До сих пор сохранились традиции материальной поддержки разных мест области потомками тех, кто там жил и работал, о чем рассказывали нам информанты, имеющие опыт проведения экскурсий или включения в близкие к туристическому бизнесу инициативы, локальные волонтерские сообщества.

В девяностые годы была волна ностальгического туризма... сюда массово поехали немцы, бывшие жители восточной Пруссии... Сейчас, понятное дело, волна немножко схлынула, потому что многие бывшие жители Пруссии умерли с возрастом, понятное дело, но тем не менее до коронавируса очень много здесь было туристов — и поляков, и литовцев, ну, и немцев, само собой, тоже. Вот. (Ирина, 26, раб.)

Мы видим, что историческое прошлое вместе с общественными дискуссиями вокруг отношения к нему, определением своей истории, укорененности, близости или отдаленности от места, ставшего или становящегося «своим», задает некий континуум смыслов, измерений и интерпретаций региональной идентичности. Прусское прошлое может в какой-то степени и мешать называть Калининград своим городом, но это место остается тем, откуда не хочется уезжать.

Очень комфортно. Вот. Да, это то место, где никогда не думаешь о том, чтобы поскорей бы отсюда уехал. Ощущения ни разу не было такого... Я не могу назвать его своим, все-таки, я думаю, вопрос истории. Я знаю, что этот город раньше был прусским. (Вера, 21, маг.)

Калининград — город детства, любимый город... родной, очень теплый, теплый, милый сердцу город и неторопливый... (Павел, 31, раб.)

Наравне с размышлениями об историческом наследии города, его при/транс/граничности и европейскости как значимых и важных для молодежи примет его уникальности и особенности отдельное внимание информанты обращают на природу и городской ландшафт.

Смешение песка и сосен. Удивительные запахи. Куршская и Балтийская коса. Там чувствуешь себя особенным... это места силы такие природные. (Евгения, 30, раб.)

Молодые калининградцы часто начинали рассказ о восприятии города и области как «своих» с природы. Героями этих историй были леса, ручьи, песок и сосны, парки и аллеи, ландшафт, который в зависимости от сезона вызывает исторические ассоциации, часто относящиеся к прусскому наследию. Особые места города и области информанты называют местами силы, они узнаваемы не только по «туристическим красотам», но и по особым запахам. Уникальность месту придает близость к Европе, которая для молодежи является важным реальным или возможным (воображаемым) местом незатрудненного и легкого путешествия, куда отправляешься, понимая, что вернуться в «свои места» легко и просто.

...Здесь парки на каждом шагу, очень много воды, везде ездят старые автомобили, немецкие и интересно тоже наблюдать. Мне нравится близость Европы, то, что это спокойное путешествие где-то. (Рита, 21, ст.)

Природа помогает справляться с житейскими проблемами, респонденты наполняют ее разными смыслами, связанными с пониманием своего дома, родины, истории края, приметы которых оказываются плотно вплетенными в ландшафт.

...У меня есть ручей и лес: когда мне совсем худо, я еду в Краснолесье, просто хожу по лесу... я жутко люблю, да, руины, когда, ну, жгут поля весной, и ты идешь или едешь по какой-то старой дороге... тебе кажется, что это вообще заброшенное поле, прошел пожар и он обнажил эти фундаменты старых немецких усадеб... Ты чувствуешь какую-то принадлежность ко всем этим штукам, даже к этим, ну, таким сожженным полям и к этим фундаментам. (Светлана, 34, раб.)

Когда я приехала, мне казалось, что я вообще всегда тут жила... что вот вся предыдущая жизнь... казалась каким-то вообще сном страшным, который вот закончился, все, я вернулась домой к себе. Калининград — это самое лучшее место. (Ирина, 26, раб.)

Интерпретации особенности и непохожести на другие города были очень разнообразны. Так, Алена говорит, что город и люди взаимодействуют друг с другом, «многоголосие жителей как бы коммуницирует, разговаривает с историей, архитектурой и природой» (Алена, 21, ст.). Эта обособленность создает одновременно ощущение странности и привлекательности:

Какой-нибудь кафедральный собор готической архитектуры, тут же стоит Сталинская какая-нибудь постройка, и ты думаешь: как так, вот, как так, как получается... много намешено национальностей, очень прикольная еда, интересная, да, которую ты не увидишь в других регионах нашей страны. И в принципе вот это вот соединение культуры Европы, России и плюс еще приезжих сюда культур, вот какой-то выстраивает очень интересный городочек и область в принципе. (Алена, 21, ст.)

Уникальность истории, по мнению наших собеседников, дополняется уникальностью природы, поэтому, по мнению Евгении, существует «негласное сообщество адептов в Калининградской области», к которому она себя причисляет. Природный

ландшафт — это часть балтийской идентичности: «две косы, вот это вот все — оно, конечно, с самого детства, оно все равно в тебе» (Евгения, 30, раб.). Интересно, что в историях информантов природа, история, гражданские инициативы — неразделимые приметы региональной идентичности и принадлежности. Присвоение места может начинаться с любой стартовой точки, но затем они как бы становятся ансамблем понимания города и области как своих — места и дома.

Калининград — это такая... маленький регион, да, но с очень большим содержанием. Наследие, которое у нас осталось, это такой естественный двигатель, ну, какой-то нетривиальной, что ли, мысли, да. Ну, то есть оно всегда заставляет нас отвечать на сложные вопросы: «Кто мы?», «Что мы?» (Евгения, 30, раб.)

Город начинают воспринимать своим и иногородние студенты и выпускники. Для них Калининград — не просто остановка в образовательном путешествии, но и место комфорта, что поддерживается включенностью в дружеские и территориальные сети.

...Когда я приезжаю, да, в свой родной регион навестить, да, там родителей, я уже совершенно не чувствую себя там как дома, и долго не могу там оставаться, потому что, ну, вот нет такого ощущения, что я приехал домой... Я обычно там долго не остаюсь, возвращаюсь... мне здесь комфортно. (Слава, 21, ст.)

Заключение

Суммируя основные выводы проведенного анализа, обозначим следующие моменты. Со времени проведенного исследования резко изменилась политическая ситуация как в глобальном, трансграничном, так и внутрирегиональном контекстах, что очевидно ограничивает предложенный взгляд на перспективы миграционных планов молодежи Калининграда. Несмотря на это, опыт молодежи, проживающей свои повседневные жизни в определенном месте и период времени, представления юношей и девушек о своей принадлежности, субъектности, идентичности, интерпретации патриотических чувств и настроений не теряют своей значимости и важности как в теоретическом, так и практическом смысле.

Наша работа продемонстрировала неопределенность миграционных планов молодежи, которые напрямую зависят не столько от образовательных и карьерных намерений, сколько от изменения политической ситуации. Критически осмысливая термин «утечка мозгов» в отношении глобальных и внутристрановых потоков миграции образованной молодежи, мы сконцентрировали внимание на интерпретациях региональной идентичности как рефлексивно эмоциональной реакции молодежи на принадлежность к месту и дому.

Анализ историй информантов подтвердил наше первоначальное представление о встроенности миграционных планов в контексты жизненных стратегий молодежи, смысловым ядром которых, наравне с образовательными, трудовыми, семейными траекториями, становятся разнообразные способы и пути формирования региональной идентичности. Истории информантов говорят о многозначности и противоречивости смыслов, стоящих за их представлениями о доме, что

было широко представлено в теоретическом обзоре. Молодые калининградцы могли по-разному понимать и интерпретировать свои чувства принадлежности к городу, его географическим, историческим или культурным особенностям. Для кого-то важны были сильные эстетические ощущения, другие были озабочены качеством социальных связей, кто-то фокусировался на исторических традициях города и прусском наследии, другие описывали свои чувства, ссылаясь на климат и природу региона.

Акцент именно на «талантливой» молодежи позволил рассмотреть перспективы миграционных намерений и планов молодых калининградцев. Мы старались максимально универсально подойти к отбору юношей и девушек — преимущественно это люди, получающие или уже имеющие высшее образование, заряженные на свое дело, с четко выраженными амбициями, искушенные как жизненным опытом, так и в познании языков и предметов, люди, идентифицирующие себя как яркая, талантливая молодежь, притягивающие к себе других, задающие тренды и перспективы.

Нарративы о городе и личном опыте его освоения/присвоения помогают понять, как молодежь конструирует реальность города и свое место в нем. Проведенный анализ историй информантов — молодежи Калининграда демонстрирует особые чувства к городу как комфортному и значимому месту, дому, которые играют если не определяющую, то точно значимую роль в их планах остаться. Информанты наделяли город и его отдельные ипостаси разными эпитетами: *родной, милый, домашний*, одновременно *провинциальный* (все рядом, все друг друга знают) и *продвинутый, европейский* (городской ландшафт, архитектура, дороги, марки машин, разделяемые ценности свободы перемещения и близости границы). Именно «европейскость» (близость и доступность Европы) описывается молодежью как особенность города, которая вместе с немецким (прусским) прошлым и культурным наследием, частично сохранившимися приметами истории, формирует своего рода культурный код калининградца. Подчеркивание трансграничности и эксклавноности территории области крайне важно для калининградских молодых людей: они чаще, чем российские сверстники, бывают за границей, более восприимчивы к европейским ценностям, таким как толерантность, открытость для различных точек зрения и культурных веяний. Интересная деталь региональной идентичности связана с тем, что Калининград не отделяется от пригородной зоны и области. Регион в целом воспринимается как некое культурное, историческое и географическое целое.

Информанты единодушны в своих интерпретациях патриотизма, который не связывается с обязательствами пожизненной лояльности и физического присутствия в границах своей Родины: можно быть патриотом, любить страну и локальную «малую» родину, но иметь возможность и право свободно перемещаться за границы ее территории [Омельченко, 2012]. Разнообразные, часто очень эмоциональные описания своей привязанности и принадлежности к Калининграду подчеркнуто выводились из ассоциаций с политической повесткой, и, например, резкое ухудшение политической ситуации вместе с нарушением гражданских прав и свобод может стать прямым толчком к желанию уехать.

Зафиксированная нами сильная привязанность молодежи к конкретному месту приходит, казалось бы, в противоречие с процессами глобализации, кото-

рые сопровождаются повышенной мобильностью, формированием изменчивых космополитических идентичностей. Можно предположить, что особую роль здесь играет сам город — Калининград. Насколько столь явная, пусть подчас и воображаемая, привязка к конкретному месту характерна для молодежи других городов России, можно будет сказать по завершении всех этапов проекта. Проведенный анализ задает перспективу не только теоретическим дискуссиям вокруг новых прочтений смыслов региональной идентичности молодежи, в определенном смысле меняющих представления о соотношении глобальных и локальных привязанностей, но и позволяет рассмотреть города, в которых молодежь получает образование, как важнейший ресурс формирования комфортного и безопасного во всех смыслах пространства для жизни и работы. Последнее при определенных обстоятельствах может послужить своего рода «стоп-фактором» в принятии решения уехать.

Проект по изучению жизненных стратегий и миграционных планов молодежи Северо-Западного региона России продолжается.

Список литературы (References)

Алимпиева А. В. Социальная идентичность калининградцев в социальном геополитическом контексте // Псковский регионологический журнал. 2009. № 7. С. 36—47.

Alimpieva A. V. (2009) Social Identity of Kaliningrad Citizens in the Social Geopolitical Context. *Pskov Journal of Regional Studies*. No. 7. P. 36—47. (In Russ.)

Алимпиева А. В. Социальная идентичность в условиях культурного многообразия: поиск или навязывание? (на примере Калининградской области) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Филология, педагогика, психология. 2014. Вып. 11. С. 60—66.

Alimpieva A. V. (2014) Social Identity in the Context of Cultural Diversity: Search or Imposition? (On the Territory of the Kaliningrad Region). *IKBFU's Vestnik. Philology, Pedagogy, and Psychology*. Vol. 11. P. 60—66. (In Russ.)

Вендина О. И., Зиновьев А. С. Пограничность и периферийность: к вопросу о контексте формирования калининградской идентичности // Мир России. 2022. Т. 31. № 2. С. 118—143. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-2-118-143>.

Vendina O. I., Zinovyev A. S. (2022) Borderland and Peripherality: Discussing the Contexts of Identity Shaping of the Kaliningrad Region Inhabitants. *Universe of Russia*. Vol. 31. No. 2. P. 118—143. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-2-118-143>. (In Russ.)

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 13—41. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602>.

Zubok J., Chuprov V. I. (2020) Youth Life Strategies: Implementation of Expectations and Social Moods. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 13—41. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602>. (In Russ.)

Калашников К. Н., Будилов А. П. Контуры социокультурной самобытности жителей Калининградской области // *Эпоха науки*. 2019. № 20. С. 513—519.

Kalashnikov K. N., Budilov A. P. (2019) The Contours of Socio-Cultural Identity of Residents in the Kaliningrad Region. *Epoch of Science*. No. 20. P. 513—519.

Клемешев А. П. Проблема эксклавы в условиях глобализации (на примере Калининградской области): автореф. дис. ... д. полит. наук. М.: Московский государственный институт международных отношений, 2006.

Klemeshev A. P. (2006) The Problem of Exclave in the Context of Globalization (On the Example of the Kaliningrad Region). Extended Abstract of PhD Dissertation in Political Science. Moscow. (In Russ.)

Котова Т. А. Образовательные стратегии российской молодежи: социологический дискурс // *Общество и право*. 2007. № 1. С. 38—44.

Kotova T. A. (2007) Educational Strategies of Russian Youth: Sociological Discourse. *Society and law*. Vol. 1. No. 15. P. 38—44. (In Russ.)

Омельченко Е. Как научить любить Родину? Дискурсивные практики патриотического воспитания молодежи // *С чего начинается Родина: молодежь в лабиринтах патриотизма* / под ред. Омельченко Е., Пилкингтон Х. Ульяновск: УлГУ, 2012. С. 263—310.

Omelchenko E. (2012) How to Teach to Love the Homeland? Discursive Practices of Patriotic Education of Youth. In: Omelchenko E., Pilkington H. (eds.) *Where Does the Homeland Begin: Youth in the Labyrinths of Patriotism*. Ulyanovsk: Ulyanovsk State University. P. 261—310. (In Russ.)

Осипова Л. Б., Энвери Л. А. Жизненные стратегии молодежи: опыт социологического исследования // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2016. № 4. С. 108—129. <https://doi.org/10.15838/esc.2016.4.46.6>.

Osipova L. B., Enveri L. A. (2016) Life Strategies of Young People: Sociological Research Experience. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. No. 4. P. 108—129. <https://doi.org/10.15838/esc.2016.4.46.6>. (In Russ.)

Попова Е. С. Мотивация и выбор в образовательных стратегиях молодежи // *Россия реформирующаяся*. 2015. Вып. 13. С. 421—437.

Popova E. S. (2015) Motivation and Choice in the Educational Strategies of Youth. *Reforming Russia*. Vol. 13. P. 421—437. (In Russ.)

Терентьев К. Ю. Образовательные стратегии российской молодежи: к построению типологии // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2016. № 2. С. 17—27. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2016.202>.

Terentev K. U. (2016) Educational Strategies of Russian Youth: The Construction of a Typology. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*. No. 2. P. 17—27. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2016.202>. (In Russ.)

Флоринская Ю. Ф., Рощина Т. Г. Оценка уровня миграционной мобильности молодежи малых российских городов (по опросам выпускников школ) // *Проблемы прогнозирования*. 2008. № 3. С. 125—139.

Florinskaya Y. F., Roshchina T. G. (2008) Estimation of Migration Mobility Level of Young People in Small Russian Cities (According to Surveys of School Leavers). *Problems of Forecasting*. No. 3. P. 125—139. (In Russ.)

Харченко И. И. Современная молодежь Сибири: образовательные и профессиональные стратегии / науч. ред. З. И. Калугина. Новосибирск: ИЗОПП СО РАН, 2008. Kharchenko I. I. (2008) Modern Youth of Siberia: Educational and Professional Strategies. Novosibirsk: Institute of Economics and Industrial Production Organization of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Beatley T. (2004) *Native to Nowhere: Sustaining Home and Community in a Global Age*. Washington, DC: Island Press.

Castells M. (2002) *The Castells Reader on Cities and Social Theory*. Oxford: Blackwell.

Castles S., Hein de Haas, Mark J. Miller (2014) *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World*. London: Palgrave Macmillan.

Easthope H. (2004) A Place Called Home. *Housing, Theory and Society*. Vol. 21. No. 3. P. 128—138. <https://doi.org/10.1080/14036090410021360>.

Eder J., Smith W. W., Pitts R. E. (2010) Exploring Factors Influencing Student Study Abroad Destination Choice. *Journal of Teaching in Travel & Tourism*. Vol. 10. No. 3. P. 232—250. <https://doi.org/10.1080/15313220.2010.503534>.

France A. (2007) *Understanding Youth in Late Modernity*. Maidenhead: Open University Press.

Frändberg L. (2015) Acceleration or Avoidance? The Role of Temporary Moves Abroad in the Transition to Adulthood. *Population, Space and Place*. Vol. 21. No. 6. P. 553—567. <https://doi.org/10.1002/psp.1851>.

Game A. (2001) Belonging: Experience in Sacred Time and Space. In: Thrift N. (ed.) *Timespace: Geographies of Temporality*. London: Routledge. P. 226—240. <https://doi.org/10.4324/9780203360675-16>.

Ginsberg R. (1999) Mediations on Homelessness and Being at Home: In the form of a Dialogue. In: Abbarno G. J. M. (ed.) *The Ethics of Homelessness: Philosophical Perspectives*. Amsterdam: Rodopi. P. 29—40.

Goldsack L. (1999) A Haven in a Heartless Home? Women and Domestic Violence. In: Chapman T., Hockey J. (eds.) *Ideal Homes? Social Change and Domestic Life*. London; New York, NY: Routledge. P. 121—133. <https://doi.org/10.4324/9780203029138-20>.

Jones G. (1995) *Leaving Home*. Buckingham: Open University Press.

Jones G. (2000) Experimenting with Households and Inventing “Home”. *International Social Science Journal*. Vol. 52. No. 2. P. 183—194. <https://doi.org/10.1111/1468-2451.00250>.

Kahanec M., Fabo B. (2013) Migration Strategies of Crisis-Stricken Youth in an Enlarged European Union. *Transfer: European Review of Labour and Research*. Vol. 19. No. 3. P. 365—380. <https://doi.org/10.1177/1024258913493701>.

- Lee E. S. (1966) A Theory of Migration. *Demography*. Vol. 3. No. 1. P. 47—57. <https://doi.org/10.2307/2060063>.
- Lee S. W. (2017) Circulating East to East: Understanding the Push–Pull Factors of Chinese Students Studying in Korea. *Journal of Studies in International Education*. Vol. 21. No. 2. P. 170—190. <https://doi.org/10.1177/1028315317697>.
- Mallett S. (2004) Understanding Home: A Critical Review of the Literature. *The Sociological Review*. Vol. 52. No. 1. P. 62—89. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1467-954X.2004.00442.x>.
- Morley D., Robins K. (1995) *Spaces of Identity: Global Media, Electronic Landscapes and Cultural Boundaries*. London; New York, NY: Routledge.
- Mrozowicki A. (2011) *Coping with Social Change: Life Strategies of Workers in Poland's New Capitalism*. Leuven: Leuven University Press.
- Papastergiadis N. (2000) *The Turbulence of Migration: Globalization, Deterritorialization and Hybridity*. Oxford: Polity Press.
- Park R. E. (1915) The City: Suggestions for the Investigation of Human Behavior in the City Environment. *American Journal of Sociology*. Vol. 20. No. 5. P. 577—612. <https://doi.org/10.1086/212433>.
- Pickup F., White A. (2003) Livelihoods in Postcommunist Russia: Urban/Rural Comparisons. *Work, Employment and Society*. Vol. 17. No. 3. P. 419—434. <https://doi.org/10.1177/09500170030173001>.
- Ravenstein E. G. (1889) The Laws of Migration. *Journal of the Royal Statistical Society*. Vol. 52. No. 2. P. 241—305. <https://doi.org/10.2307/2979333>.
- Rizvi F. (2005) Rethinking “Brain Drain” in the Era of Globalisation. *Asia Pacific Journal of Education*. Vol. 25. No. 2. P. 175—192. <https://doi.org/10.1080/02188790500337965>.
- Skeldon R. (1990) *Population Mobility in Developing Countries: A Reinterpretation*. London; New York, NY: Belhaven Press.
- Tomlinson J. (1999) *Globalization and Culture*. Chicago: University of Chicago Press.
- Tucker A. (1994) In Search of Home. *Journal of Applied Philosophy*. Vol. 11. No. 2. P. 181—187. <https://doi.org/10.1111/J.14685930.1994.TB00107.X>.
- Vizi E. S. (1993) Reversing the Brain Drain from Eastern European Countries: The “Push” and “Pull” Factors. *Technology in Society*. Vol. 15. No. 1. P. 101—109. [https://doi.org/10.1016/0160-791X\(93\)90029-N](https://doi.org/10.1016/0160-791X(93)90029-N).